

## ИНТЕРВЬЮ ГАЛИНЫ РУСЕЦКОЙ С ВИКТОРОМ МАЗИНЫМ

**Галина Русецкая:** Я хотела поговорить о психоаналитических сообществах. Думается, что сообщества психоаналитиков в чём-то подобны научным, но всё же имеют свою специфику хотя бы в силу того, что психоаналитическая практика предполагает прохождение собственного анализа будущим аналитиком. Таким образом, как бы вы определили эту специфику? Чем сообщества психоаналитиков отличаются от любых других?

**Виктор Мазин:** Согласен с вами, что психоаналитическое сообщество если и возможно, то только как специфичное. Психоаналитическое сообщество не может уподобляться другим сообществам по меньшей мере по двум причинам. И *первая причина*, как вы отметили, заключается в самой специфике передачи психоаналитического знания. Психоанализ не передаётся университетским путём. Университетский дискурс, как известно из XVII семинара Лакана, и дискурс психоаналитический противоположны. Я верю в две машины формирования дискурса, в которых может родиться психоаналитик. Обе машины – машины переноса. Одна работает между аналитиком и анализантом, вторая – между читателем и текстом. Совершить перенос на текст – к этому Фрейд прямо призывает своего читателя в *Толковании сновидений*. То, что фрейдовский текст требует постоянного возврата к себе, то, что этот корпус оказывается родовым местом психоаналитика, показал в своей программной речи *Что такое автор?* Мишель Фуко.

*Вторая причина*, по которой психоаналитическое сообщество не может уподобляться другим сообществам, смежная с причиной первой. Она заключается в том, что психоанализ – невозможная профессия. Специфика психоаналитического сообщества в том, что оно возможно как непрофессиональное. Иначе говоря, это сообщество непрофессионалов, неспециалистов, любителей, тех, кого Фрейд называл словом *der Laie*. В этом смысле это сообщество ближе к филателистам и кактусоводам, любящим и знающим своё дело, как бы парадоксально это ни звучало, профессионально. Причём в этом сообществе каждый любитель проявляет свою любовь по-своему.

Принципиально важно то, что сообщество непрофессионалов не наделяет защитной идентичностью так, как это делает сообщество «подлинных профессионалов». Профессional не только и не столько имеет отношение к предмету своей работы, сколько к другим профессионалам и установленным ими нормативам. Нормативы нормализуют и обра-

зуют, как сказал бы Томас Кун, нормальную науку. Во что превращается сообщество психоаналитиков в нарастающих, как лавина, нормах, статусах, стандартах, я наблюдаю в течение последних десяти лет. За столь короткий срок одно такое сообщество на моих глазах превратилось то ли в армейское подразделение, то ли в бюрократическую структуру кафкианского толка.

Вопрос, который неизбежно возникает в связи с бюрократизацией сообщества: на каком основании одни люди уполномочили себя правом наделять идентичностью других, да и какова она, психоаналитическая идентичность?! На каком основании одни люди присваивают себе право наделять статусами, выдавать дипломы и сертификаты?! Думаю, такого рода процедура двояка. С одной стороны, она нацелена на инициацию и расширение своего так называемого профессионального круга любыми империалистическими по духу средствами. Похоже, Фрейд видел такую возможность эксплуатации идентичности. В *Вопросе дилетантского анализа* он подчёркивал, что анализ не нацелен на облегчение страданий пациента посредством принятия его в некую общину. Иначе говоря, то наследование психоаналитического знания, о котором вы говорите, отнюдь не направлено на разметку идентичностью, на империалистический рост членов организации. Тот кошмар, который возникает в монструозном «психоаналитическом профессиональном сообществе» с его моральным кодексом и борьбой за статусы и блага, как мне кажется, основан на неизбежном бюрократически-иерархическом аппарате самовоспроизводства, основной смысл которого в том, что тот, кто устанавливает стандарты профессии, тот легитимирует себя как профессионала профессионалов. Кроме того, такого рода сообщество проводит чёткую бюрократическую демаркационную черту между собой и чужими – «другими», «любителями», «дилетантами», всеми теми, кто не включён в данное сообщество. Такого рода сообщество стремится к неделимой социальной идентичности, которую Нанси называет имманентизмом. Имманентизм сообщества, *во-первых*, поглощает всякую трансцендентность, *во-вторых*, член сообщества оказывается, если воспользоваться словами *Диалектики просвещения*, полезным, добившимся успеха, пропащим членом профессиональной группы, репрезентантом серийного типа.

Профессионализация, таким образом, оказывается связанной не с символическими ритуалами в духе Фрейда и Лакана, в которых акцентируется прохождение анализа (собственно, и представляющее ритуал инициации) с нестандартизируемыми целями (в том числе и в изобретённой Лаканом процедуре перехода, *passé*), а с бюрократически-нарциссической принадлежностью *идеал-я* системе. В этом отношении меня не удивляет переход из одной профессиональной организации на службу в другую, например с госслужбы на службу в профессиональное сообщество психоаналитиков. Профессиональные сообщества оказываются уподобленными друг другу и работают лишь на упрочение системы.

В лакановской затее *перехода* самое важное, как мне кажется, – не перепоручение ответственности за решение вопроса об идентичности компетентным органам и вышестоящим статусам, а принятие её на себя: «авторизация психоаналитика исходит исключительно от него самого». Причём одним из оснований становится не некий стандарт, а как раз таки сингулярность каждого отдельного анализа. Никакая внешняя авторитарная бюрократическая структура не может наделить субъект статусом психоаналитика. Только сам психоаналитик может взять на себя ответственность принятия психоаналитического места. Ни на какой внешний аппарат не может быть возложена ответственность за свой собственный опыт переживания психоанализа. Психоаналитик не полагается ни на кого, кроме самого себя.

В общем, если говорить словами Нанси, то невозможное психоаналитическое сообщество возможно не как имманентность, не как тотальность, но как сеть сингулярностей. В конце концов, прежде чем, при участии Фрейда, была организована Международная психоаналитическая ассоциация, существовало сообщество друзей. У ближайшего друга Фрейда, Шандора Ференци, была мечта – основать *Общество друзей психоанализа*, в которое входили бы художники, писатели, философы, то есть все, у кого психоанализ вызывает симпатию, интерес, желание им заниматься. Такова, на мой взгляд, специфика психоаналитического сообщества. Словами Батая, такое сообщество может быть названо «негативным сообществом», «сообществом тех, кто лишён сообщества».

**Галина Русецкая:** Спасибо, Виктор, за такой обстоятельный ответ. Я солидарна с вами в понимании психоанализа как невозможной профессии. *Общество друзей психоанализа* – такая форма комьюнити не может не вызывать отклика.

А может ли психоанализ сегодня существовать без всякого институционального оформления? Ведь и аналитики являются участниками социального взаимодействия, предполагающего правила игры, сложившиеся при участии не только (или не столько) психоаналитиков. Иными словами, возникает вопрос о формах существования психоанализа, балансирующего на грани маргинальности, с одной стороны, и авторитарно-бюрократической системности – с другой, если вообще этот вопрос имеет какое-то непротиворечивое решение.

**Виктор Мазин:** Знаете, Галина, вы задаёте чуть ли не самый животрепещущий для меня вопрос! Думаю, что ответ на него сложно найти по той причине, что он ставится как бы не от моего первого лица единственного числа, а от некоего моего множественного числа, от лица некоего социума. Насколько легче нести ответственность за свой собственный выбор, чем за тот выбор, который связан с выбором других людей! (По меньшей мере, мне легче.) В этом выборе заключена не просто сложность, но априорная неразрешимость.

Ответ на ваш вопрос о том, *может ли психоанализ сегодня существовать без всякого институционального оформления*, – и «да», и

«нет». «Да», может – как может существовать любовь между двумя людьми без бюрократического оформления. Может, как может существовать круг любителей кактусов, любителей кино или болельщиков того или иного футбольного клуба. И одновременно «нет», *не* может – как хоть невозможная, но всё же профессия. *Не* может – как только аналитики становятся, как вы говорите, «участниками социального взаимодействия, предполагающего правила игры, сложившиеся при участии» далеко не психоаналитиков. А правила этой игры сегодня – так называемый свободный рынок, капиталистическое хозяйство, главные действующие лица которого, как известно, не останавливаются ни перед чем ради получения прибавочной стоимости. Здесь-то и возникает вопрос о возможности сохранения своей идентичности, своей единичной множественной идентичности на этом рынке. Через соучастие? Например, через контракт между психоаналитическим сообществом и фармакологической компанией? Между психоаналитическим сообществом и налоговой полицией? Между психоаналитическим сообществом и законодателями? Нет, нет и ещё раз нет. Достаточно открыть глаза и посмотреть на то, как за несколько лет такой рыночный «психоанализ» *отбросил* всё, что составляет его символические опоры, и превратил аналитический дискурс в дискурс капиталистический. Место аналитика занял господин, *знающий*, как адаптировать клиента к рынку.

Итог работы знающих господ и кризисных менеджеров сегодняшнего российского психоанализа – адаптация самого психоанализа к рынку, замена невыносимого фрейдовского анализа то ли «современной» научной психологией, то ли ортопедической психотерапией. Главное, чтобы в результате этой замены *Постороннему* всё стало понятно. Не *Постороннему* Камю, а *Постороннему* Фрейда, персонажу *Вопроса дилетантского анализа*, прототипом которого служил некий высокопоставленный министерский сотрудник. Если Фрейд прекрасно понимал, что никаких шансов объяснить *Постороннему* основы психоанализа нет, то теперь шансы эти якобы есть. Для этого нужно, *во-первых*, откеститься от скандальной фигуры Фрейда; *во-вторых*, объяснить *Постороннему*, что «психоанализ» – один из видов психотерапии; *в-третьих*, гарантировать, что «психоанализ» принадлежит медицинским или психологическим нормативам, что он содействует программе нормализации граждан; *в-четвёртых*, нужно показать *Постороннему* таблицы, графики и диаграммы, наглядно демонстрирующие число вылеченных маргиналов, больных, асоциальных элементов. В противном случае *Посторонний*, этот регулировщик рыночных потоков капитала, будет вынужден принимать исправительные меры, ведь каждый человек на кушетке – это килограммы некупленных и несъеденных законных наркотиков. Каждый человек на кушетке – это сомнения в подлинности желаний, в том числе и потребительских. Каждый человек на кушетке – сомнения в необходимости места на рынке труда. В общем, сплошные преступления против Рынка.

Как известно, психоанализ и тоталитаризм несовместимы. Не был он совместим с советским тоталитаризмом, не совместим он с сегодняшним рыночным тоталитаризмом со всеми его отчуждениями, поклонениями золотому тельцу, культом безмыслия, товарным фетишизмом и овеществлением субъекта. Впрочем, само сравнение двух форм тоталитаризма уже в поле наркочапитализма со всей его тотальной соизмеримостью уже о многом говорит. Поэтому не будем задаваться вопросом, где психоанализа больше – в Советском Союзе или в сегодняшней России.

С другой стороны, говоря о возможности существования психоанализа без всякого институционального оформления, мы сталкиваемся с тем, что одним людям неоформленные отношения несут радость, а для других они оказываются непереносимыми. Как говорил Вильгельм Райх, проблема не в том, что действует репрессивная государственная машина, а в том, что люди сами требуют приведения её в действие. Они призывают «принять меры», «оградить», «применить сильную руку» и т. д. За десять лет работы институционально неоформленных лакановских семинаров в Музее сновидений Фрейда два-три раза приходилось сталкиваться с тем, что кто-то из участников добровольно принимался наводить бюрократический порядок, позволяющий хоть как-то совладать с нарциссическим нераспознаванием мест, с тем, что Лакан называет *méconnaissance*. Психический беспорядок ведёт к попыткам учредить место господина, поделить участников на категории – «клиницистов» и «теоретиков», «философов» и «психоаналитиков», «мэтров» и «молодёжь». Самый показательный пример – это диалог с одним участником музейных семинаров, который на несколько дней совершил вояж в Париж, откуда вернулся другим человеком, очень важным, мэтром, прошедшим анализ то ли с духом Лакана, то ли с призраком Мари Бонапарт. Этот чудом преображённый аналитик пригласил меня в мой кабинет на незабываемый разговор. Он буквально потребовал от меня выдать ему портфель министра иностранных дел. Этот трагикомичный разговор продлился чуть ли не два часа, но мне так и не удалось втолковать человеку, что портфель он может взять себе сам, но я не могу ему его выдать, поскольку у нас – не министерство, а музей, причём не существующий на бумаге. Человек этот покинул нас в тот же день и пошёл другим, куда более актуальным путем – бросил все силы на самопродвижение в виртуальных сетях интернета, бросился туда, где можно имитировать жизнь целого сообщества, назначив себя его премьер-министром. Так что можно произвести на свет целое социальное взаимодействие, казалось бы, предельно ограниченных рамках *méconnaissance*. Одним из оплотов сегодняшней системы оказывается укоренение авторитарно-бюрократической системности в пределах нарциссического разделения социально-учётной единицы, называемой «неделимым», индивидом.

*Галина Русецкая:* Подумалось, что как раз комическое измерение мы часто упускаем из виду, пафосно анализируя социальное взаимодействие как нечто предустановленное.

Я хотела бы немного изменить тему и задать вопрос о психоанализе как особой практике встреч аналитика и анализанта. На ваш взгляд, эта практика изменилась со времён Фрейда и Лакана? И в чём существенно? Что такое сегодня «знаменитый случай из практики психоанализа» (вопрос касается, безусловно, того, что может быть озвучено, без имён и прочей конкретизации)?

*Виктор Мазин:* Мне думается, практика не могла не измениться в силу историчности субъекта, и в частности субъекта психоанализа. Практика встреч – это ведь интересубъективная дискурсивная практика, то есть практика укоренённых в языке социальных уз, а они, конечно же, то и дело претерпевают изменения. Практика эта изменилась, исходя из изменений в отношениях субъекта к другому и Другому. В одном случае анализант видит в месте аналитика другого, одного из бесчисленного множества, и стремится установить зеркальные узлы, не понимает, когда говорит о себе, когда о другом. В совсем другом случае анализант требует от аналитика установления Закона, проведения черты, ограничивающей его наслаждение, но при этом он никоим образом не хочет с этим наслаждением расставаться. Иногда самоотчуждение, самообъективация во времена господства технонауки доходят до того, что анализант по сути дела говорит: «Это – моё я, передаю его вам для проведения ремонтных работ». В общем, эта тема, конечно, может разворачиваться до бесконечности.

Несмотря на все перемены, сам психоаналитический дискурс как один из четырёх фундаментальных дискурсов, формализованных Лаканом, конечно же, остался по своей структуре тем же. Так что, как бы на первый взгляд парадоксально это ни прозвучало, субъект меняется, а знаменитый случай из сегодняшней психоаналитической практики – это всё тот же фрейдовский случай! Ведь неслучайно в основании психоанализа пять больших фрейдовских случаев. Неслучайно Лакан основывает свои размышления не на своих случаях, а на фрейдовских. Так, случай Доры даёт нам шанс понять смысл такого феномена, как перенос, и то, как развивается в нём диалектика отношений, и то, как можно ошибиться относительного того, какое место занимает в переносе аналитик. Шребер в свою очередь помог осмыслить паранойю Фрейду, затем Лакану, теперь – нам. Случаи Фрейда – единичны, уникальны, неповторимы, принадлежат конкретному эпизоду истории; а вот то, как движется мысль Фрейда, задаёт тон мышлению, позволяющему увидеть того же Шребера как нашего современника.

Когда мы говорим с вами о случаях Фрейда, то не стоит забывать и о случае самого Фрейда, случае психоаналитика. Важно не забывать о своём «присутствии» в картине, в узах, в практике отношений. После Фрейда эта практика практически свелась на нет, а тексты психоаналитиков стали нередко напоминать психиатри-

ческие анамнезы. Впрочем, Фрейд не одинок. Недавно я прочитал замечательную книгу Теодора Райка *Слушая третьим ухом*, одной из главных дискурсивных нитей которой является самоанализ.

**Галина Русецкая:** Известно, что у Лакана менялось представление о критериях окончания анализа и – шире – его терапевтическом эффекте. И Фрейд далеко не однозначен в этом вопросе. В завершение нашей беседы я попросила бы вас, Виктор, дать свою трактовку терапевтического эффекта психоанализа и/или условия возможности/необходимости завершения анализа.

**Виктор Мазин:** Первое, что приходит мне в голову в связи с вашим вопросом, это мысль Фрейда из заглавия его книги: анализ – *и* конечен, *и* бесконечен. Конечность анализа всегда уже не окончательна. В этой связи и простая мысль о том, что анализ завершается тогда, когда и анализант, и аналитик готовы расстаться. Думаю, это происходит как раз тогда, когда в значительной мере проработан перенос, когда отношения анализанта с аналитиком превращаются в «обычные» отношениями между двумя людьми. Анализ после завершения анализа всё равно продолжается, только теперь нет особой необходимости в «присутствии» аналитика: человек сам способен разрешать различные дилеммы, принимать решения и нести ответственность за их последствия.

С другой стороны, я разделяю мысль Лакана о пересечении фантазма как одном из принципиальных условий завершения анализа. Несколько дней назад мы вместе с одним анализантом одновременно поняли, что подходим к завершению анализа. Этот момент, несмотря на всю его внезапность, не назвать чудом, потому что мы шли к нему семь лет, но всё же это было настолько неожиданно! Человеку вдруг, в один прекрасный момент, приходит на ум фантазия, относящаяся к его появлению на свет, к предшествующему ему доисторическому желанию родителей. Произнесение этой фантазии производит эффект разорвавшейся бомбы. Дым от взрыва рассеивается, и мы видим, как означающие, прописывающие судьбу человека, выстраиваются во фразу жизни, будто эта доисторическая фантазия являет ту пустоту, вокруг которой структурируется представление о себе и мире. Фраза же, как мы понимаем, может обрести смысл только тогда, когда она доведена буквально до точки, после чего можно бросить взгляд назад и её осмыслить. Этот момент напомнил мне о микросцене, которой завершается сновидение Фрейда «Об инъекции Ирме»: в воздухе повисает формула триметиламина. Так и у нас в кабинете возникает формула жизни. Пересечение фантазма, по меньшей мере в этом случае, и стало такой точкой, таким пределом, за которым обретается новый смысл. Ни анализант, ни я не говорили ещё о завершении анализа, но оба понимаем, что мы к нему приблизились вплотную.